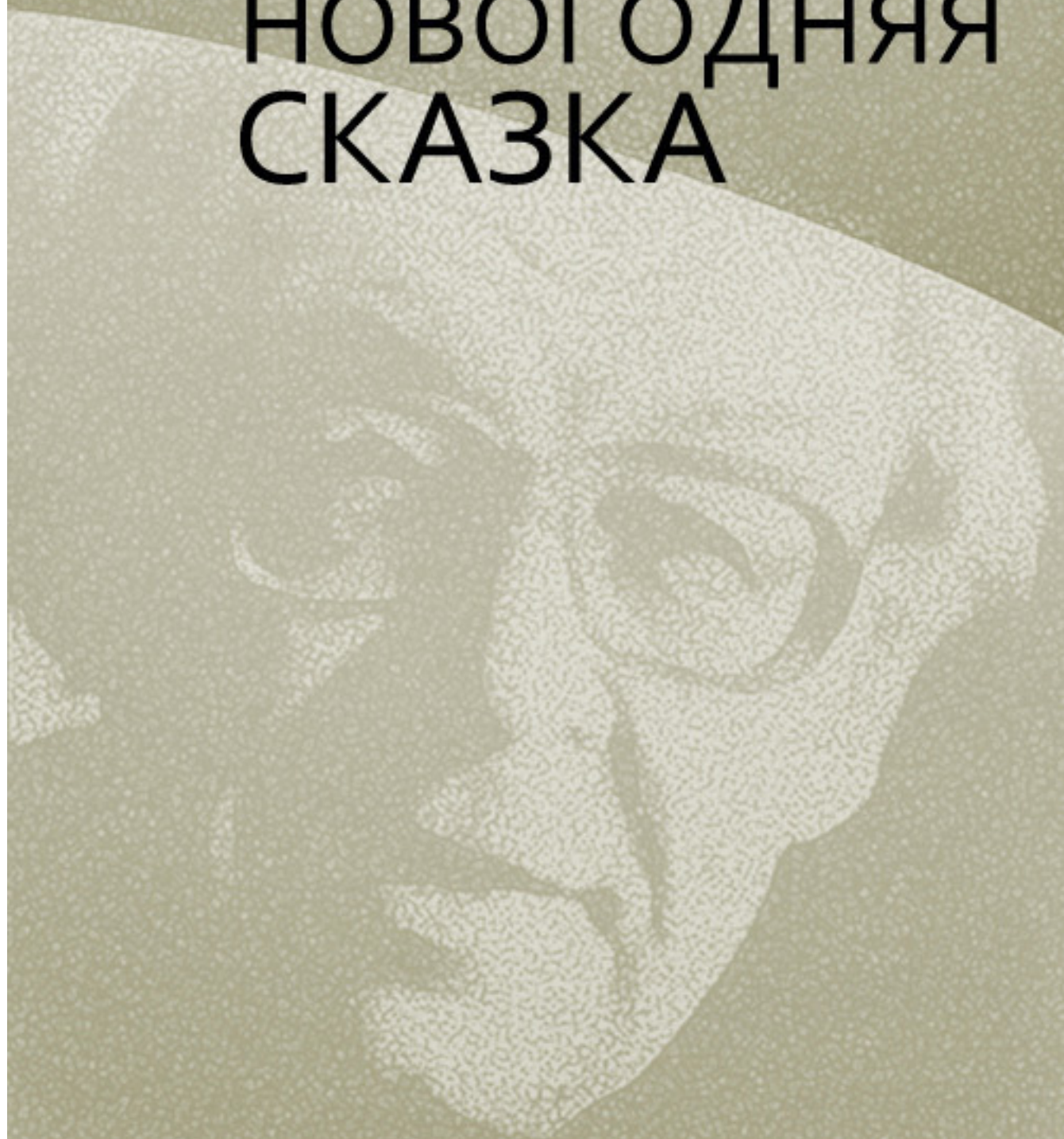

В.Дудинцев

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Владимир Дудинцев
Новогодняя сказка

«Индивидуальный Предприниматель
Ларин Владимир Евгеньевич»

1960

Дудинцев В. Д.

Новогодняя сказка / В. Д. Дудинцев — «Индивидуальный
Предприниматель Ларин Владимир Евгеньевич», 1960

«Новогодняя сказка» Владимира Дудинцева – философско-аллегорическая история об относительности времени и ценностей жизни, о невозвратной значимости каждого мгновения, так часто растрачиваемого впустую или убиваемого мелочами и стремлением к ложным целям. «Жизнь даётся один раз, ее надо пить без передышки. Громадными глотками...»

© Дудинцев В. Д., 1960

© Индивидуальный Предприниматель
Ларин Владимир Евгеньевич, 1960

Владимир Дудинцев

Новогодняя сказка

Я живу в фантастическом мире, в сказочной стране, в городе, который создан моим воображением. Там с людьми приключаются удивительные вещи, и некоторая доля этих приключений досталась мне. Кое-что я расскажу вам, пользуясь тем, что под Новый год человек расположен доверчиво слушать разные выдумки. Речь будет идти о штуках, которые откалывает с нами время. Ведь время необъятно. Оно действует везде. Даже в сказочном мире часы можно проверять по сигналам московского времени. Именно поэтому я рискую начать рассказ. Может найтись любопытный человек, которого заинтересуют места в моей выдумке, пересекающие его серьезную, невыдуманную жизнь.

В наш город прилетела таинственная птица – сова. Несколько человек она осчастливила своим визитом. Первым был мой непосредственный начальник, шеф лаборатории по исследованию Солнца, где я работаю. Вторым оказался врач, мой товарищ по школе. Третьим сова избрала меня. Птица эта замечательная. Было бы неплохо, если бы ее повадки изучали, а портрет поместили в атласы.

У меня к этому времени уже были научные труды о некоторых свойствах солнечного света. Я получил ученую степень, состоял консультантом в нескольких комиссиях и спешил остепениться. Перенимая повадки наших маститых стариков, я научился так же, как они, высоко держать голову, так же неторопливо обдумывал заданный мне вопрос и так же, подняв бровь, нараспев высказывал свой ценный, продуманный ответ. Еще одна черта: я привык заботиться о своем дорогом пальто. У нас в кабинетах есть шкафы, и, подражая старикам, я повесил в своем шкафу деревянные плечики для пальто, помеченные моими инициалами.

Будучи человеком, наделенным кое-какими скромными талантами, я по совету одного академика приучил себя записывать неожиданно приходящие мне в голову мысли. Известно, что самые ценные мысли не те, которые мы вымучиваем, сидя часами за столом, а другие – налетающие, как порыв ветра, чаще всего, когда ты идешь по улице. Я записывал эти мысли и забывал о них. Зато наша истопница хорошо помнила, что у меня в ящиках стола попадают волшебные бумажки, которые горят, как порох. Она повадилась очищать мой стол и растаптывать ими все печи в лаборатории.

Под шелухой солидности во мне сидел наивный ребенок (впрочем, он сидел и в моем шефе – докторе наук). Этот ребенок с надутыми щеками иногда выходил наружу, особенно в те вечерние часы, когда мы, холостяки, усаживались в нашей квартире перед телевизором и, округлив глаза, оцепенев, как заспиртованные, часами следили за мелькающими в голубоватом окошке ногами футболистов.

Как видите, я не щажу здесь прежде всего себя. Многие стороны в своем характере я выставляю и выставлю еще на суд ваш с полным пониманием дела и сам себе являюсь первым судьей. С некоторого времени у меня как бы открылись глаза: как раз с того дня, когда сова нанесла мне первый визит. Она открыла мне глаза. Спасибо ей.

Я, например, по-новому взглянул на свою тяжбу с неким С. – членом-корреспондентом одной провинциальной академии наук. Пять лет тому назад в своей статье он назвал мою известную печатную работу «плодом досужих вымыслов». Я должен был ответить. В новой статье я как бы попутно опроверг основные положения С., и ввернул, по-моему к месту, такие слова: «Именно это безуспешно старается доказать кандидат наук С...» (Мне хорошо известно, что он хоть и член-корреспондент, но степень-то у него, как и моя, – кандидат). На этот мой выпад С. тут же ответил брошюрой и там как бы мимоходом сказал, что я подгоняю результаты моих опытов под теорию, а слово «теория» взял в кавычки. Вскоре после этого я напечатал большую статью о своих новых наблюдениях над Солнцем, подтверждающих теорию,

взятую в кавычки, а выкладки С. разделал в пух и прах. «Линкор получил торпеду в кают-камеру», – как сказали по этому поводу мои товарищи. Имя С. в статье я не упомянул – я знал, что этой второй торпеды мой враг не вынесет. Я просто сказал: «некоторые авторы». Но линкор устоял и ответил...

И так далее. Эта война длившаяся пять лет, основательно истрепала мои нервы, да и не только мои.

Но... ближе к делу. Однажды утром мы все собрались в нашей лаборатории, повесили свои пальто на плечики и, прежде чем заняться исследованиями, завели, как полагается, утреннюю беседу – раскачку. Беседу начал наш старейший и уважаемый шеф, доктор наук. В свободное от работы время он занимался изучением старины, собирал каменные топоры, древние монеты и книги, и, по-моему, в этом любительстве, а не в нашей работе был для него весь смысл его спокойной жизни.

– Любопытная вещь! – сказал он, приглашая нас послушать. – Недавно, разбирая одну надпись на каменной плите, я нашел вот такое изображение.

И он показал нам белый лист, на котором была нарисована тушью ушастая сова.

– Мне удалось прочесть и надпись, – с гордостью сказал шеф – там стояло чье-то имя, и было написано: «А жизни его было девятьсот лет».

– Да – а... – мечтательно проговорил один из моих товарищей по группе, модник и любитель шалостей. – Мне бы хватило и четырехсот...

– А зачем вам? – вдруг резко проговорил плечистый и сухой пожилой мужчина, обычно молчаливый.

Он сидел по соседству со мной и отличался от всех нас своим подчеркнутым пренебрежением к одежде, молчаливостью и невиданной работоспособностью.

– Вам эти четыреста лет ни к чему, – сказал он. – Вы и так не спешите.

– Я хочу обратить ваше внимание! – Шеф повысил голос, давая понять, что его перебили на полуслове. – Обращаю ваше внимание! Такие совы в разное время были найдены во многих странах. В одной пустыне стоит гигантская сова из гранита. В нашей местности это первая находка. Могу похвастаться, – тут шеф расплылся в улыбке, – эта сова и эта надпись – мое личное открытие. Я выкопал этот камень в своем саду.

Мы поздравили счастливого, еще раз посмотрели на сову и разошлись по своим местам.

– Я обязательно добьюсь, узнаю значение этого рисунка, – сказал шеф. – После этого я сделаю публикацию.

– Но девятьсот лет жизни! – Я не смог удержаться от этого восклицания. – Неужели возможно было когда-нибудь такое долголетие?

– Все возможно! – гаркнул плечистый, всегда занятый мой сосед, не отрываясь от работы.

– Что вы этим хотите сказать? – вежливо осведомился шеф.

– Время – загадка, – был ответ, еще более загадочный.

– Да, время – загадка, – подхватил шеф интересную мысль. Он снял со стены песочные часы, перевернул и поставил перед собой на стол. – Течет! – сказал он, глядя на песок. – И смотрите, получается: миг, который мы переживаем, можно сравнить с мельчайшей песчинкой, с бесконечно малой точкой... Он сейчас же исчезнет...

И мне вдруг стало больно где-то в груди. У меня в жизни было несколько месяцев неожиданной, необыкновенной любви, и эти месяцы сейчас, когда я на них с болью оглядываюсь, слились в один миг, стали песчинкой, упавшей на дно часов. И никакого следа в руках. Как будто ничего не было!.. Я вздохнул. Если бы перевернуть часы!..

– Простите, шеф, – перебил мои мысли наш заведующий отделом кадров. – Что же получается по вашей, с позволения сказать, теории, если время – точка, значит, у нас нет нашего героического прошлого? Нет солнечного будущего?

Он любил задавать прямые вопросы, как бы уличая человека в ужасном преступлении.

– Я прошу извинения, если сказал что-нибудь не так, – ответил наш миролюбивый шеф. – Но я, по-моему, не успел сформулировать никакой теории. Это все шутки, фантазия...

– Фантазия-то странная какая-то! Есть все-таки рамки...

– Дорогой! – вдруг гаркнул наш лохматый, вечно занятый чудак. Мы все обернулись. – Все новое, все, что мы ищем, находится вне рамок. Внутри рамок все обыскано, подметено.

И, открыв рот (у него была такая манера), он беззвучно засмеялся в лицо строгому человеку. Мы узнали новую черту в характере нашего товарища.

Два года мы сидели с ним в одной комнате и не знали человека! Видели только, что он редко бреется и пальто бросает на стул. Заметили, что на пальто этом не хватает половины пуговиц. А познакомиться с ним по-настоящему не пришлось.

– Знаете, я сейчас, кажется, расскажу вам одну интересную историю, – опять услышали мы голос этого вечно склоненного над работой товарища.

И все удивились: человек впервые решил раскошелиться – потерять время на беседу с нами! Не думал я, что разговор о долголетию так расшевелит его.

– Только я сейчас сбегая в подвал, налажу приборы, чтобы работали, чтобы время зря не уходило, – сказал он и быстро вышел.

– Сухарь он или не сухарь? – спросил кто-то.

– Не думаю! – возразил любитель шалостей. – К нему иногда приходит дама. Я рядом с ним живу. Молодая дама. Я столкнулся как-то с ней на лестнице. Идет и ничего не видит. Ослепла от любви!

– Вы знаете, у него есть уникальные старинные часы. Идут с необыкновенной точностью и заводятся раз в год. – Это сказал шеф.

– Так вот, друзья! – Наш седеющий, взлохмаченный новый товарищ (мы ведь с ним только сегодня познакомились), наш работяга вошел, сел на свое место и взял в руки логарифмическую линейку. – Вы говорите девятьсот лет... А знаете вы, что время может стоять и может очень быстро лететь? Не приходилось вам ждать свидания?

– Да, время может очень медленно ползти, – сказал шеф.

– Оно может стоять! Вы помните сообщение о том, что ученые прорастили семена лотоса, пролежавшие в каменной гробнице две тысячи лет? Для этих семян время стояло. Время можно задерживать и можно подталкивать.

При этом он раздвинул линейку и что-то записал. – Он и за разговором ухитрялся работать.

– Я поясню сейчас эти слова историей, которую вы, независимо от ее морали, выслушаете с интересом.

И, начиная рассказ, он почему-то повернулся ко мне, как будто его слова предназначались исключительно для моей персоны.

– В некотором царстве, в некотором государстве, а именно – в нашем городе, несколько лет назад произошел такой казус. В парке культуры в воскресенье в одном из самых тенистых уголков собралось шестьдесят, а может быть и сто, хорошо одетых мужчин на какое-то собрание, которое они решили провести на свежем воздухе. Позже стало известно, что в нашем парке заседал два часа, ну как бы вам сказать, симпозиум бандитов и воров, состоявших, как они говорят, «в законе». У них, у этой публики, есть свои строгие правила. Нарушение карается смертью. Тех, кого принимают в «закон», обязательно рекомендуют несколько поручителей. Новому члену сообщества тушью накалывают на груди девиз: несколько слов, по которым можно сразу узнать, что человек свой. Так вот, их собрание состоялось, и милиция, разумеется, никого не поймала.

– Какое отношение имеет эта история к нашей теме о времени? – мягко спросил шеф. – Или вы, может быть, еще не кончили?

– Да, я не кончил. Отношение самое непосредственное. Я как раз перехожу к теме. Бандиты – «законники» съехались для суда над своими товарищами и вынесли шесть смертных приговоров, из которых пять исполнены. Шестого осужденного они никак не могут поймать, потому что дело это для них осложнилось. Я скажу сначала, кто такой был этот шестой и в чем состояла его вина. Это был глава, президент, или, как они говорят, «пахан», всего общества «законников», самый старый и хитрый из всех бандитов. Он сидел в какой-то из отдаленных тюрем, и, должно быть, там, в одиночке, ему пришла в голову мысль о том, что он, по существу, в жизни ничего не сделал и ничего не получил, а жить осталось мало. Рассуждал он так: весь смысл жизни бандита – в наиболее легком присвоении чужих богатств: золота, дорогих вещей. А цена и авторитет вещей в человеческом обществе катастрофически падают.

– Оказывается, он был теоретик, ваш бандит! – слышался иронический голос заведующего кадрами.

– Да, он был серьезным человеком, – согласился наш чудак (я чувствовал к нему все большую симпатию). – Этот преступник, натворивший много бед, в последние годы притих и стал читать книги. Книги – это ужасная сила! Он прочитал множество книг. Он не спешил уйти из тюрьмы: ему было удобно читать и думать в каменном мешке, а братья – «законники» доставляли своему владыке с воли любую книгу, хотя бы она хранилась в подвалах государственного казначейства за семью печатями. Да... И вот он увидел, что авторитет дорогих вещей катастрофически падает. Когда-то в далеком прошлом богатые люди, князья отгораживали в морских заливах бассейны и разводили в этих бассейнах мурен. Откармливали их человеческим мясом – бросали в море рабов. Подать такую мурену на праздничный стол считалось высшим шиком. Но сейчас мы и подумать не можем без содрогания об этих развлечениях наших предков. Когда-то золото было безымянным металлом, дремало в земле. Потом человек дал ему имя и цену. Считалось высшим шиком блеснуть золотом на одежде, на оружие. Но сейчас никто из нас не решится показаться в гостях с золотой цепью через весь живот или с золотом хотя бы на булавке в галстук. Авторитет золота падает. А где престиж драгоценных тканей? Я могу вас заверить, что и нынешние самые дорогие ткани уже навсегда выходят из моды. Щеголять дорогими вещами сегодня – признак духовной отсталости.

– Смотри, пожалуйста, как распорядился этот бандит с материальными ценностями! Интересно, что же идет на смену вещам? – спросил завкадрами, его немного покоробил этот рассказ, потому что он-то как раз щеголял очень дорогим коверкотовым костюмом с широкими плечами, а жена его, придя как-то раз в лабораторию, принесла на руке тяжелую черную лису.

– Это не он расправился. С вещами расправляются люди. Бандит только заметил это и задумался. Он понял, что на смену вещам неуклонно идет красота человеческой души, которую не купить за деньги и не украдешь. Силой оружия никого не заставишь полюбить себя. Красота души свободна. Она сразу вышла на передний план, как только золото и бархат сдали позиции. И теперь золушки в ситцевых платьях побеждают принцесс, увешанных шелками. Потому что в дешевом платье всю ценность составляет красота покроя, а это ценность уже не материальная. Рисунок платья – это вкус, характер того, кто создал, и кто выбрал для себя этот рисунок. И не зря многие принцессы, в которых сохранилась душа, стали наряжаться под золушек. А если встретится какая, увешанная мехами и драгоценными тканями, так мы уже не восхищаемся богатством ее одеяний, шарахаемся от духовного уродца, который сам себя метит перед людьми. И мой бандит заметил это. И вдруг открыл, что он за всю свою жизнь никогда не имел таких «вещей», как одобрение людей, дружба с человеком, истинная любовь. А стремился всю жизнь к тому, что не имеет цены. Нечто вроде денежной реформы произошло. Да...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.